Ю. ТЕРАПИАНО

Паруса

Русская Книга
1965

Ю. ТЕРАПИАНО

Паруса

Русская Книга
1965

Publisher: "RUSSKAJA KNIGA", Washington, DC, U. S. A.

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München-Allach, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

Небо сегодня как будто светлее
И голубее, чем было вчера.
Зеленью нежной вскипают аллеи
И распускаются как веера.

Всюду цветенье и счастье простое,
Город в сиянье, в движенье, в тепле.
Как я свободен и молод весною,
Как хорошо мне на этой земле.

Я, пожалуй, даже не знаю
С чем прийти к тебе? Время не то.
Я теперь Монпарнас огибаю,
Запахнув поплотнее пальто.

Не сбылись обещанья свободы.
Вечер близок и даль холодна.
Розы, грезы, закаты, восходы —
Как обрывки какого-то сна.

Поднимись на высокую гору
И с вершины ее посмотри
Вниз, навстречу земному простору
И сиянью осенней зари.

Там безмолвная музыка. Ею
Вся природа под вечер полна.
Тихо. Горные цепи темнеют
В ожиданье покоя и сна.

Ну, а в комнате белой как прялка стоит
тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином
из подвала...

О. Мандельштам

УСПЕНИЕ

Тяжелые груши уложены тесно в корзины,
Блестит янтарем на столах виноград золотой
И воздух осенний и запах арбузный и дынный
На каменной площади празднуют праздник святой.

Я с радостью тихой гляжу на раздолье природы —
Такое богатство, как было и в крае моем,
Где волны кипели и тщетно искали свободы,
И в погребе пахло полынью и новым вином.

А тот, о котором сегодня я вновь вспоминаю,
Как загнанный зверь на дворе под дождем умирал.
Как лебедь, безумный, он пел славословие раю
И, музыкой полный, погибели не замечал.

Орфей погребен. И наверно не будет рассвета.
Треножник погас и железный замок на вратах.
И солнца не стало. И голос умолкший поэта
Уже не тревожит истлевшего времени прах.

Мир разгорожен надвое забором.
Мы смотрим издали: там наш родимый дом.
Но не хочу туда вернуться вором,
Тюленем пробираясь подо льдом.

Все сорок лет! Нет, больше, что там сорок —
Пять тысяч лет блуждаем мы впотьмах
И все твердим: «Уже недолго, скоро» . . .
Едва держась от боли на ногах.

Летом душно, летом жарко,
Летом пуст Париж, а я
Осчастливлен как подарком
Продолженьем бытия.

С мертвыми веду беседу,
Говорю о жизни им,
А весной опять уеду
В милый довоенный Крым.

И опять лучи, сияя,
Утром в окна льются к нам,
Море Черное гуляет,
Припадает к берегам.

И как будто время стало
Занавесочкой такой,
Что легко ее устало
Отвести одной рукой.

ДИАНА ЛЮКСЕМБУРГСКОГО САДА

Закинув руку за плечо,
Стрелу ты ловишь из колчана,
Вздыхающая горячо,
Разгоряченная Диана.

Ты мчишься в каменном кругу
Одежд вскипающих как пена,
И как виденье на бегу
Сверкает легкое колено,

Такой стремительный полет,
Такая легкость пред глазами,
Что будто бы весь сад плывет,
Летит, кружится вместе с нами.

Диана в воздухе сухом
Ритмические мечет стрелы
И мрамор кажется стихом
Ямбически-окаменелым.

Над замерзшим Байкалом, над веяньем вьюги,
Над полями Сибири, средь рек и лесов
Звук несется на землю сквозь воздух упругий —
Спутник шлет передачу из верхних слоев.

Пели прежде поэты о бурях морозных,
О просторах, где тройки летели в ночи,
А теперь научились мы слушать надзвездный
Океан, что над нами, как вечность, звучит.

ЛИСТОПАД

Мне что ж, с Евтушенко кричать
о кубинском притоне,
О Мигуэлях и Кастро, поверивших
в С.С.С.Р.,
Иль на футуристическом
саксафоне
Чертить с Вознесенским параболы
огненных сфер?

А здесь, под ногами, на солнце лежит,
истлевая,
Всего Люксембургского сада, пронзенная смертью,
краса
И вечная молодость, бодро по листьям
шагая,
Приветствует осень.
— Везде голоса,
голоса!

С печальной улыбкой, я вспомнил мою
Навзикаю,
Тридцатые годы, прекрасный тогдашний
Париж —
И вдруг из тумана сияет лицо,
возникая, —
О, ветер, зачем же ты локон ее
шевелишь? . .

«Думал века измерил,
А жизни прожить не сумел»

А. Белый.

Думал — такого сознанья
Не было в мире, что вот
Он лишь один в состоянье
В горний пуститься полет.

Духа сиянье слепило,
Музыка пела ему,
Тайная чудная сила
Вниз устремлялась, во тьму.

И как на посохе мага
Розами мудрость цвела.
Буквы, чернила, бумага
И полировка стола...

Но ничего не сумел он
Выразить. Сроки прошли
И в пустоте прозвенело
Слово, коснувшись земли.

И, умирая, как с кручи
Рушился он с высоты,
Падал звездою падучей
Также как Блок и как ты.

Все что было — как много его и как мало!
Ну, а память, магическая игла,
Пестрым шелком узоры по белой канве вышивала,
Возбуждала, дразнила, манила, звала.

«Эти годы» . . . и вдруг: где теперь эти годы?
Под мостами вода навсегда утекла
И остались одни арок гнутые своды,
Серый камень, чужая парижская мгла.

И когда-нибудь скажут: «их время напрасно пропало,
Их судьба обманула, в изгнанье спасения нет».
Да, конечно! Но все же прекрасное было начало —
Радость. Молодость. Вера. И в сердце немеркнущий
свет.

Чуть пожелтевших листьев дружный хор
И хризантемы отцветают ярко.
В шестьдесят-третьем все наперекор —
Был летом холод, а сейчас так жарко.

Готовят космонавты свой полет
К Луне и к Марсу, ставя жизнь на карту.
И час настал. Их век уже пришел,
Их корабли всегда готовы к старту.

А я на небо звездное смотрю:
Какой простор бесчисленных мерцаний!
И в каждом мире новую зарю
Приветствуют сердца иных созданий.

Девятнадцатый год. «Вечера, посвященные Музе».
Огромный прокуренный зал, под названием «Хлам». *
Вот Лифшиц читает стихи о «Болотной Медузе»
И строфы из «Камня» и «Tristia» — сам Мандельштам.

Морозный февраль, тишина побежденной столицы.
О, как мы умели тогда и желать и любить!
Как верили мы и надеялись, что возвратится
Былое величье, которого всем не забыть.

А после — походы в холодной степи и раненье.
Уже в Феодосии встреча: — «Вы, Осип Эмильевич,
здесь?»
— «А где Бенедикт?» — «Да, погиб Маккавейский в
сраженье».
А Петников — жив, но куда он уехал? — Бог весть!»

Тогда мы надеялись: будет недолгой разлука —
Как много с тех пор стало горьких потерь и разлук!
Летела стрела — и опять Аполлон Сребролукий
На новую жертву свой тяжкий нацеливал лук.

---

* «Хлам» — «Художники, Литераторы,
Артисты, Музыканты».

Теснятся мысли, но какой ценою
За них прийдется расплатиться мне?
Закрыта дверь, а рядом, за стеною
Высокий голос плачет о весне.

Как будто там за окнами, в тумане,
Не капли вниз стекают по стеклу,
А музыка в торжественном органе
Звучит навстречу солнцу и теплу.

Нет, это только летний вечер
А в небе горестно-пустом
Печаль — как белоснежный глетчер,
Как летом опустевший дом.

Там, между видимым и тайным,
На самой грани двух миров
Виденьем царственно-случайным
Сияет пена облаков.

Что, если только заблужденье
И чувств земных самообман
Все эти краски и цветенье,
Любовь, измена и туман?

Глубину одиночества мерьте
Божьей мерой и мерой людской
В час когда приближается смерти
Неподвижный и страшный покой.

«Даже смерть, все пройдет, все проходит» —
Так гласила арабская вязь
На могильном столбе, на восходе
Блеском солнца и моря светясь.

В Истанбуле сады расцветали,
Ветер с юга дыхание нес . . .
Мы мудрее теперь. Мы устали.
Что нам розы? Сейчас не до роз!

Легкий вечер весенний прекрасен как эти каштаны,
Как вверху облака и прохладная в Сене вода,
Как небесный простор и веселые южные страны,
Как сиянье в глазах и улыбка, что греет всегда.

А какой-нибудь скучный прохожий (— на что ему эти богатства?)
Ничего не увидит вокруг, ничего не поймет.
Мы с тобою как братья какого-то тайного братства,
Как народ в Гималаях, что там под землею живет.

Какой-то восхитительно-летучей
И фантастическою чередой
Идут на юг серебряные тучи —
И не отстать от стада ни одной.

А в городе, законом тяготенья
К поверхности земной пригвождены,
Такой же цепью движутся явленья
И так же ввысь они устремлены.

Не вырваться из круга без начала,
Когда, как колокольчики звеня,
Несутся к мозгу четкие сигналы,
Как вспышки семафорного огня.

И вот вскипает океан безбрежный
В моем мозгу — и полон бури я —
Грохочет гром, кружится вихорь снежный
И рушится вселенная моя.

Клонит ко сну, наплывают тяжелые мысли,
Отблеском мутным мерцает вверху потолок.
Ни о каком вдохновенье, о правде, о смысле
Думать не в силах . . . Я вижу горячий песок,

Берег высокий и строй одиноких мечтаний . . .
Небо ночное омыто недавним дождем,
Ясная осень, холодный простор расстояний,
Грузный и мерно дрожащий под грохот автобусов дом.

И пламенеют цветы на убогих лиловых обоях,
Нежность в груди нарастает, звуча в тесноте как прибой.
Горькая участь — как мне подружиться с тобою,
Как мне смириться, как верить, как быть мне с тобой?

Нет старости. И смерти нет. Есть воля
И жизнь одна, ее нельзя понять.
Горит огонь среди ночного поля,
Нисходит к морю с неба благодать.

На винограднике тепло зимою,
Земля возделанная ждет весны
И материнской нежной теплотою
До дна корней кусты напоены.

А волны средиземные на отдых
Ушли на дно, нырнули в глубину
И в облаках холодный, острый воздух
Подобен драгоценному вину.

Вот так случается весною —
Все станет радостным вокруг
И в сердце острой теплотою
Сиянье разольется вдруг.

Как паутинка — дуновенье,
Две-три секунды, счастья миг —
И налетает вдохновенье,
Не вычитанное из книг.

На рынок выхожу цветочный.
Прохладой веет от сырой земли
И образ счастья, хрупкий и неточный,
Бессмысленно рисуется вдали.

Мне на цветы смотреть невыносимо:
Их любишь ты, они страшат меня
Своею красотой неотразимой,
Как отблесками адского огня.

БРЕТАНЬ

Над берегом солнце и ветер,
Прибой ударяет в песок
И вечер попрежнему светел
И парус над морем высок.

В багровом закате алея,
Баркасы плывут вдалеке
И флаги, как пестрые змеи,
Над пристанью налегке
По воздуху вьются . . .
                                        Сегодня
Суббота. И месса была,
Чтоб странников сила Господня
На всех их путях сберегла.

Куда ни погляжу, везде
Размеры дивно совершенны:
Рисунок правилен в звезде,
Кристаллы стройны и нетленны.

А сердце, глупое, стучит,
Тоскует, жалуется, плачет.
Что сердцу звезды и лучи?
Оно задумано иначе.

Не знаю, почему такая
Погода? В небе ни весна,
Ни осень, а тоска пустая,
Как ночь бессонная она.

Мы, в городе, давно отстали
От первозданной простоты.
Бездушней камня, тверже стали
Людей суровые черты.

Но вдруг души моей коснется
Какой-то смутный ветерок —
И пролетит и унесется,
И сердцу это невдомек.

Сеял, сеял, а зерна на пашне
Все упали не в ту борозду.
Ну, так что ж? Как химера на башне,
Снизу я погляжу на звезду.

Вот горит она синей лампадой
Средь неведомой тишины.
Если радость ушла — и не надо,
Я и так доживу до весны.

Еще вчера — холодный мрак и тени,
А вот сейчас все расцвело в тиши.
Везде сирень. Прозрачен свет весенний,
Над озером застыли камыши.

И птица красногрудая без страха
У ног моих клевала червяка.
Я вспомнил все: печаль земного праха
И шум времен, текущих как река.

Пришла весна нечаянно и рано,
А там, в Крыму, давно растаял лед
И медленно с зеленого кургана
Спускаются стада, свирель поет...

Быть может, в старости увидишь ты закат
И вспомнишь светлое чужое небо,
Каштаны вдоль бульваров, зимний сад,
Глоток воды, сухую корку хлеба,

Ту жизнь, которой не было всерьез, —
Изгнания печальные приметы . . .
И вдруг в руках — как миллионы роз,
Как чудо роз святой Елизаветы.

Хрупкие ветки качаются
В мокром усталом саду,
Светлое лето кончается
Ветер пророчит беду.

Слушаю сердцем молчание.
Прежнее всплыло со дна.
Воспоминанье, прощание
И тишина, тишина.

Мы всегда незаметно вступаем
В круг беды. И опять простыня
Жжет и мерзко к груди прилипает
И как будто бы душит меня.

Бесконечная ночь над Парижем,
А болезнь — надо мною. Она
Грудь теснит, наклоняясь все ниже,
Опускаясь до самого дна.

О, дочь верховного эфира
О, светозарная краса...
Е. Баратынский

Еще назвать тебя не смею,
Смерть, «светозарная краса»,
Еще осилить не умею
Взмах рокового колеса.

В бессилии, в изнеможенье
Еще готов склониться я —
И вдруг передо мной виденье
Совсем иного бытия:

Заря нездешняя, алея,
Встречает парус корабля
И входят Эрос и Психея
Вновь в Елисейские поля.

Боги знают любовь. Нет, и там не легко это бремя!
Всеблаженные — смертным пред вечной загадкой равны.
Даже им отмеряют так скупо любовное время
Злые, вещие Парки среди их небесной страны.

А с земли к ним несутся проклятья и слезы, и стоны:
Мы мечтаем о рае, но скрыт облаками Олимп . . .
— Как печальна она, как трагична любовь, Антигона,
А Эдип умирает, огнем безысходным палим.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

«ЛУЧШИЙ ЗВУК», стихи. Изд. «Милавида», Мюнхен, 1926 (распродано).
«БЕССОНИЦА», стихи. Изд. «Парабола», Берлин, 1935 (распродано).
«НА ВЕТРУ», стихи. Изд. «Современные Записки», Париж, 1938 (распродано).
«ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕИЗВЕСТНЫЙ КРАЙ», повесть. Изд. «Дом Книги», Париж, 1946.
«СТРАНСТВИЕ ЗЕМНОЕ», стихи. Изд. «Рифма», Париж, 1950.
«ВСТРЕЧИ», воспоминания и статьи. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953.
«ИЗБРАННЫЕ СТИХИ». Изд. книжного магазина Виктор Камкин, Вашингтон, 1963.